

Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2013. 208 с.

Муратова, Е.Ю. Интертекстуальность как фактор смыслопорождения в поэтическом тексте / Е.Ю. Муратова // Развитие и функционирование русского языка. Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.2. Языкознание. 2012. №2(16). С. 30

Прохорова, О.Н., Чекулай, И.В., Куприева, И.А. Национальный компонент семантики абстрактных лексических и фразеологических единиц / О.Н. Прохорова, И.В. Чекулай, И.А. Куприева // Язык и культура. 2013. № 2(22). С.68-81.

Современные проблемы науки о языке: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 202-204.

Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста / В.Е Чернявская. – Москва: УРСС, 2010. С. 60

Bazerman, Charles, Prior, Paul What writing does and how it does it. An introduction to analyzing texts and textual practices / Charles Bazerman, Paul Prior. – New York. London: Routledge, 2009. Pp. 91-92.

Summary. Intertextuality is in focus of contemporary linguistic study, though cognitive and communicative aspects of this category are still actively discussed. It determines continuous interaction between various human activities, which are reflected in different forms of linguistic communication. The cognitive-discourse approach allows carrying out integrated analysis of intertextual objectifying means in texts of different areas. The intertextual analysis is interrelation between cognitive mechanisms and the language as means to reflect the results of cognitive activities.

Key words: intertextuality, intertextual analysis, contemporary linguistic study, cognitive and communicative aspect.

ТЕКСТОВАЯ ПЕЙЗАЖНАЯ МОДЕЛЬ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФОРМАТ ЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. ИРАСЕКА «ПСОГЛАВЦЫ»)

Е.А. Огнева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ogneva@bsu.edu.ru

Текст как когнитивный формат сохранения и передачи знания входит в лингвистическую исследовательскую орбиту многих научных школ. Так, Н.Ф. Алефиренко под текстом понимает «целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией его автора» (Алефиренко 2005: 303). И.Р. Гальперин рассматривает текст как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью <...>, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин 2007: 18). Е.С. Кубряковой представлено понимание текста как «информационно-самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата» (Кубрякова 2001: 73).

В наших исследованиях художественный текст, его когнитивная сюжетная матрица, рассматривается как конгломерат глубинных этно-носимых народов в преломлённой проекции мировидения писателя, как креативный лингвоконструкт реальности, как репрезентационный символ синергии прошлого, настоящего и будущего, синергии, вербализованной посредством языковых знаков, формирующих таким образом художественный мир, модель которого находится в эпицентре лингвокогнитивных, лингвокультурологических и иных исследований. Под когнитивно-сюжетной матрицей художественного текста нами понимается комплексная текстовая модель реального или вымышленного мира, репрезентированного писателем в произведении и обусловленного его индивидуально-авторским видением тематики произведения, воплощаемой в речевых конструкциях текста. По мнению А.В. Кузнецовой, «смысл создания художественного текста, общий его замысел состоит в реализации в особой языковой форме семантического пространства. Под таким углом зрения текст становится возможным объектом концептуального и когнитивного анализа, аналитические методы позволяют выявить специфику видения мира, репрезентированного в данном тексте, а также акцентуацию определенных фрагментов знания и оценок, в нем закрепленных» (Кузнецова 2011: 155-156).

Художественный текст, рассматриваемый нами как реконструкция бытия, представляет собой сложный исследовательский конструкт. Архитектоника концептосферы художественного текста как совокупности художественных концептов моделируется нами в виде сложного когнитивного формата знания, представляющего собой результат индивидуально-авторского преломления языковой картины мира в когнитивно-сюжетной канве произведения. Модель концептосферы художественного текста как комплексный исследовательский конструкт – это единство статичных, динамичных, статично-динамичных когнитивных форматов, функционирующее как единое целое посредством текстовых когнитивных узлов, представляющих собой пересечения различных сегментов когнитивно-сюжетной матрицы произведения.

Одним из значимых сегментов когнитивно-сюжетной матрицы, по нашему мнению, является художественное пространство. Исследование художественного пространства предоставляет обширный материал, в котором немаловажную роль имеют результаты интерпретации текстовой пейзажной модели как когнитивного формата знания поскольку, по мнению В.Н. Левиной, «пейзаж в художественном тексте – это особое средство накопления, хранения и передачи знаний, инструмент познания действительности, позволяющий постичь национальную ментальность» (Левина 2009: 401). Под текстовой пейзажной моделью нами понимается исследовательский конструкт, состоящий из совокупности пейзажных единиц, контекстуально интегрированных в единое целое, в которое могут быть включены в незначи-

тельном количестве антропоцентрично маркированные единицы, хронемы, маркеры цвета и света. Проведённые исследования показали высокую частотность текстовых пейзажных моделей, в составе которых нет антропоцентрично маркированных единиц. Менее частотны текстовые пейзажные модели, сочетающие и пейзажные единицы, и антропоцентрично маркированные единицы, хронемы, маркеры цвета и света. Низкочастотны текстовые пейзажные модели, с преобладанием антропоцентрично маркированных единиц, хронем, маркеров цвета и света над количеством пейзажные единицы в модели. Специфика структуры текстовых пейзажных моделей, как правило, является отличительной чертой идиостиля писателя.

Пейзажная единица как базовый компонент текстовых пейзажных моделей рассматривается нами в качестве смысловой единица текста, репрезентирующей пейзаж как текстовый фон к описываемым действиям персонажей, как фон, нацеленный на раскрытие характеров персонажей художественного произведения.

Проведённые нами исследования показали, что текстовая пейзажная модель, может репрезентировать три вида пейзажа: а) пейзаж земной поверхности (лесной, степной, горный и т.п.), б) водный пейзаж (морской, океанический и т.п.), в) пейзаж воздушного пространства (пейзаж ночного неба и т.п.). В результате когнитивно-герменевтического анализа материала различных художественных произведений была выявлена высокая частотность пейзажных единиц, представляющих собой совокупность репрезентантов нескольких видов пейзажа, например, пейзаж горной реки как синергия горного и водного пейзажей. Наряду с репрезентантами непосредственно пейзажа в структуру пейзажной единицы могут входить: «а) маркеры времени, репрезентирующие, к примеру, осенний пейзаж; б) социальные маркеры, репрезентирующие, например, сельский пейзаж, монастырский пейзаж и т.п.; в) маркеры светогаммы, репрезентирующие, например, закат солнца на морском побережье; г) маркеры цветогаммы, репрезентирующие, к примеру, пейзаж июльской степи» (Огнева 2013: 616).

В данной статье рассмотрим лингвокультурологически обусловленную текстовую пейзажную модель «Чешский лес», репрезентированную на страницах исторического романа известного чешского писателя Иресека Алоиса «Псоглавцы» в переводе А.С. Гуровича. По данным Википедии: «Чешский Лес (чеш. *Český les*, нем. *Oberpfälzer Wald* – со стороны Баварии – или *Böhmischer Wald* – со стороны Чехии) – средневысотный горный хребет длиной около 100 км вдоль германо-чешской границы. Хребет распространяется от города Вальдзассен на севере до Вальдмюнхена на юге. Высота 1042 м. – гора Черхов, Чехия» (<https://ru.wikipedia.-org/wiki/чешскийлес>).

По данным географической энциклопедии: «В названии термин лес применен в смысле “горы”, что связано с залесенностью этих гор. Определение чешский указывает на расположение гор в Чехии.

Немецкое название этих пограничных с Германией гор Богемский лес образовано от названия историко-географической области Богемия» ([http://dic.academic.ru /dic.nsf/enc_geo/5520/чешский](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/5520/чешский)).

Для исследования текстовой пейзажной модели «Чешский лес» нами рассмотрен следующий контекст: *«Ранние ноябрьские сумерки спустились на горы и доли и окутали тьмой весь край, приютившийся у подножия крутого Черхова и вдоль хребта Галтравы. Тяжелые черные тучи неслись, задевая за лесистые вершины, они пронеслись над горной цепью Чешского Леса, вздымавшейся над притихшим краем исполинской стеной, теряющейся в поднебесье. Настал грозный час. Над тучами и над землей – над всем владычествовал ураган. Все дрожало перед ним – и одинокое дерево среди поля и вековые великаны в дремучей чаще на склонах гор. Старые и молодые березы, густо растущие на горе Градек, вознесшейся над деревней Уезд, жалобно стонали и гнулись, ураган злобно срывал последние желтые листья и в бешеном порыве гнал их в черную мглу. А на соседней вершине Гурке непокорно гудел дубовый лес. Потрясаемая раскидистыми кронами, дубы сопротивлялись вихрю, который, стремительно вырвавшись из леса, бросался на притихшую деревню, прилепившуюся к Градеку, как одинокое гнездо. Раскачивались и шумели деревья вдоль дороги и в садах. Громче всех гудела вековая липа в просторном дворе Козины, а журавль у старого колодца под липой отчаянно скрипел и визжал. Но все тонуло в вое ветра, свирепствовавшего в густых ветвях старого дерева» (Ирасек, 1983).*

Когнитивно-герменевтический анализ данного контекста выявил наличие пятнадцати пейзажных единиц в рассматриваемой текстовой пейзажной модели. Отличительной чертой данной модели является, во-первых, синергия двух типов пейзажа земной поверхности, а именно, равнинного и горного пейзажей, во-вторых, синергия пейзажа земной поверхности и пейзажа воздушного пространства.

Итак, рассмотрим репрезентацию **синергии двух типов пейзажа земной поверхности** в исследуемой текстовой пейзажной модели.

В результате проведенного анализа контекста было выявлено, что синергия равнинного и горного пейзажей репрезентирована тремя комплексными пейзажными единицами.

1. Пейзажная единица *‘горы и доли’* является одновременно и проксемой художественного пространства, которое репрезентируется по вертикальной пространственной оси лексемой *‘горы’* и по горизонтальной пространственной оси – лексемой *‘доли’*. Эти лексемы в проводимых нами исследованиях рассматриваются как **семантические когнитивные скрепы**. Под семантическими когнитивными скрепами понимаются слова или словосочетания, в семантике которых выражено единство нескольких параметров, например, лексема *‘горы’*

репрезентирует вертикальную пространственную ось и специфику ландшафта.

2. Пейзажная единица *‘край, приютившийся у подножия крутого Черхова и вдоль хребта Галтравы’* представляет собой следующее сочетание: (а) два оронима: *‘(гора) Черхов’, ‘хребет Галтравы’*, (б) репрезентант локализации в пространстве – словосочетание *‘у подножия крутого Черхова’*, (в) номинант горизонтальной пространственной оси – метафора *‘край, приютившийся’*; (г) номинант горизонтально-пространственной пространственной оси – *‘вдоль хребта Галтравы’*.

3. Пейзажная единица *‘притихшая деревня, прилепившаяся к Градеку, как одинокое гнездо’* представляет собой сочетание оронима *‘Градек’*, который одновременно маркирует вертикальную пространственную ось в сочетании с маркером локализации в пространстве – словосочетанием *‘притихшая деревня, прилепившаяся к’*, которое является метафорическим олицетворением наряду с другим словосочетанием *‘одинокое гнездо’*.

Горный пейзаж репрезентирован пятью пейзажными единицами.

1. Пейзажная единица *‘лесистые вершины’* – семантическая когнитивная скрепа, репрезентирующая синергию вертикальной пейзажной пространственной оси и номинант флоры.

2. Пейзажная единица *‘горной цепью Чешского Леса, вздымавшейся над притихшим краем исполинской стеной’* представляет собой следующее сочетание: (а) дримоним *‘Чешский лес’*, (б) маркер горизонтальной пространственной оси: *‘горная цепь Чешского Леса’*, (в) номинант горизонтально-вертикальной пространственной оси *‘вздымавшейся над притихшим краем’* – метаформа; (г) номинант вертикальной пространственной оси: *‘исполинской стеной’*. Этот номинант-метафора представляет собой семантическую когнитивную скрепу, поскольку репрезентирует и огромный размер леса-стены, и её древность, отсылая нас к временам библейских персонажей исполинов.

3. Пейзажная единица *‘вековые великаны в дремучей чаще на склонах гор’* репрезентирует вертикальную пространственную ось *на склонах гор* в сочетании с хронемой *‘вековые великаны’*, отсылающей читателя в далёкое прошлое.

4. Пейзажная единица *‘старые и молодые березы, густо растущие на горе Градек, вознесшейся над деревней Уезд, жалобно стонали и гнулись’* представляет собой сочетание следующих пяти компонентов: (а) ороним *‘гора Градек’*, (б) ойконим *‘деревня Уезд’*, (в) номинант вертикальной пространственной оси *‘на горе Градек, вознесшейся над’*; (г) маркер флоры – лексема *‘березы’*, о которых автор даёт уточнение *‘жалобно стонали и гнулись’* – олицетворение маркера флоры, (д) две хронемы *‘старые и молодые (березы)’*, репрезентирующие единство прошлого и настоящего.

5. Пейзажная единица *'на соседней вершине Гурке непокорно гудел дубовый лес'* представляет собой сочетание следующих трех компонентов: (а) ороним *'вершина Гурка'*, (б) локализация в пространстве *'на вершине'*, (в) маркер флоры *'непокорно гудел дубовый лес'*, семантике которого репрезентирует метафорическое олицетворение. Примечательно, что метафорическое олицетворение выявлено и в следующем предложении: *'потрясая раскидистыми кронами, дубы сопротивлялись вихрю'*.

Равнинный пейзаж репрезентирован четырьмя пейзажными единицами.

1. Пейзажная единица *'одинокое дерево среди поля'* представляет собой следующие компоненты: (а) маркер флоры – лексема *'дерево'*, (б) маркер локализации на горизонтальной пространственной оси – *'среди поля'*. Более того, посредством лексемы *'одинокое'* (дерево) репрезентируется олицетворение этого маркера флоры в структуре пейзажной единицы.

2. Пейзажная единица *'раскачивались и шумели деревья вдоль дороги и в садах'* репрезентирует: (а) маркер флоры, (б) горизонтальную пространственную ось *'вдоль дороги'*, (в) маркер локализации в пространстве *'в садах'*.

3. Пейзажная единица *'вековая липа в просторном дворе Козины'* представляет собой сочетание маркеров: (а) маркер локализации в пространстве и горизонтальной пространственной оси в *'просторном дворе'*, (б) маркер флоры *'липа'* в сочетании с хронемой *'вековая'*, которая ещё раз дублируется в словосочетании *'ветви старого дерева'*.

4. Пейзажная единица *'журавль у старого колодца под липой отчаянно скрипел и визжал'* состоит из следующих компонентов: (а) культурема *'журавль у старого колодца'* в сочетании с метафорическим олицетворением *'отчаянно скрипел'*, (б) хронема *'старый (колодец)'*, (в) маркер флоры *'липа'*, (г) маркер локализации в пространстве *'под липой'*.

Следовательно, рассмотренные 12 пейзажных единиц, репрезентирующих пейзаж земной поверхности, представляют собой многокомпонентные текстовые единицы смысла, включающие в себя различные номинанты, среди которых 5 маркеров вертикальной пространственной оси, 4 маркера горизонтальной оси, 5 маркеров локализации в пространстве и один маркер вертикально-горизонтальной пространственной оси, т.е. писателем представлена гармоничная текстовая пространственная модель пейзажа, в сочетании с семью хронемами и пятью ономастическими единицами, метафорами и семантическими когнитивными скрепами.

Рассмотрим репрезентацию **синергии пейзажа земной поверхности и пейзажа воздушного пространства** в исследуемой текстовой пейзажной модели. Прежде всего, было выявлено наличие трёх пейзажных единиц: (а) *'тяжелые черные тучи неслись,*

задевая за лесистые вершины, (б) они проносились над горной цепью Чешского Леса, (в) исполинская стена, теряющаяся в поднебесье. Исследование синергии пейзажа земной поверхности и пейзажа воздушного пространства выявило динамику синергии, репрезентированную в следующем контексте: Тяжелые черные тучи неслись, задевая за лесистые вершины, они проносились над горной цепью Чешского Леса, вздымавшейся над притихшим краем исполинской стены, теряющейся в поднебесье. Схематически эту динамику можно отобразить следующим образом: Небо→Земля→Небо→Земля→Небо. Примечательно, что начинается и завершается это пятикомпонентное описание синергии двух пейзажей пейзажной единицей, соотносящейся с пейзажем неба, что является ещё одной отличительной чертой исследуемой модели

Второй контекст, репрезентирующий единство небесного и земного пейзажей, *‘над тучами и над землей – над всем владычествовал ураган’* представляет собой сочетание номинантов, соотносящихся с упомянутыми пейзажами, которые, в отличие от данного контекста, как правило, входят в состав пейзажных единиц.

В архитектонике исследуемой текстовой пейзажной модели наряду с хронемами, входящими непосредственно в состав пейзажных единиц выявлены ещё три хронемы: двуядерная хронема *‘ранние ноябрьские сумерки’*, одноядерные хронемы *‘грозный час’* и *‘желтые листья’*, которые интегрированы в общую повествовательную канву произведения и в пейзажную модель как фоновые компоненты. Под одноядерным номинантом нами понимается «хронема, равная одной лексеме, например, *вечер / evening / soir* или словосочетанию, состоящему из ядерной темпоральной лексемы и одного (*холодная весна / cold spring / printemps froid*), реже нескольких (*тёплый тихий вечер / warm calm evening / soir doux et silencieux*) атрибутивов. Под многоядерным номинантом нами понимается хронема с двумя и более ядрами – темпоральными лексемами (*four days and nights, autumn evening*), наличие атрибутивов факультативно» (Огнева, Кузьминых, 2012).

В исследуемой пейзажной модели выявлены три маркера цвета: *‘черные тучи’*, *‘черная мгла’* и *‘желтые листья’*, а также установлена динамика полусвета и тьмы в пространстве пейзажа: *‘ранние ноябрьские сумерки спустились на горы и доли и окутали тьмой весь край’*.

Таким образом, исследование художественного текста, его когнитивно-сюжетной матрицы, невозможно без детального анализа текстовой пейзажной модели, рассматриваемой нами в виде конструкта, состоящего из совокупности пейзажных единиц, антропоцентрично маркированных единиц, хронем, маркеров цвета и света. Рассмотренная лингвокультурологически обусловленная текстовая пейзажная модель «Чешский лес» представляет собой интегрированный информативный формат знания о специфике синергии нескольких пейза-

жей, репрезентированных в одной текстовой модели, метафоричность которой способствовала реализации замысла автора.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: моногр. – М.: Гнозис, 2005. 326 с.

Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. 148 с.

Кубрякова, Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. С. 72-81.

Кузнецова, А.В. Художественный текст в когнитивной парадигме: семантическое пространство и концептуализация // European Social Science Journal. 2011. № 4. С. 155-161.

Левина, В.Н. Концептуализация пейзажа в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: моногр. / гл. ред. Е.С. Кубрякова, отв. ред. Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Р.Г. Державина, 2009. С. 398-413.

Огнева, Е. А. Типологизация и структурирование когнитивной сцены художественного текста / Е.А., Огнева, Ю.А. Кузьминых, // Современные проблемы науки и образования. Филол. науки. 2012. № 6. (Эл. ресурс) URL: <http://www.science-education.ru/106-7379>

Огнева, Е.А. Структурирование концептосферы художественного текста // Ментальные основы языка как функциональной системы / отв. ред. серии Н.А. Беседина. Когнитивные исследования языка. Вып. XIII. Памяти проф. Н.А. Кобриной. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 614-625.

Электронные ресурсы

<https://ru.wikipedia.org/wiki/чешскийлес>

http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/5520/чешский

Источник фактического материала

Ирасек А. Псоглавцы. Исторический роман / Пер. с чешского А.С. Гуровича. – Прага: Альбатрос, 1983. 272 с. URL: <http://lib.tr200.org>

Summary. The article deals with the architectonics of literary conceptsphere. The specificity of landscape representation is identified. The textual landscape model is presented as the new term at the methodology of cognitive-hermeneutic researches. The textual landscape model named “Check Forest” is described as the new cognitive format of knowledge.

Key words: literary conceptsphere, textual landscape model, cognitive format, landscape, landscape language units

КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ В МУЛЬТФИЛЬМАХ

Н. М. Голева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
goleva@bsu.edu.ru

Возрастающая роль когнитивного изучения языкового сознания, интерес лингвистической науки к изобразительным средствам различных видов литературы и мирового кинематографа, влияние металолических текстов на ментальный мир носителя языка – эти вопросы являются актуальными в современном языкознании. Когнитивная